

Е. С. Колесова, Н. В. Новикова

Формирование современной концепции сексуальности

В статье излагаются основные положения современной концепции сексуальности как социокультурного конструкта, рассматриваются современные представления о сексуальности, которые начали формироваться с конца XVIII в., проводится связь между категориями пола и расы, анализируется современный медицинский дискурс о сексуальности.

Ключевые слова: социальный конструктивизм, сексуальность, пол, гендер, дискурс о сексуальности.

E. S. Kolesova, N. V. Novikova

Formation of the Sexuality Modern Concept

The article outlines the main concepts of modern theory of sexuality which is presented as a social construct; it analyses modern perceptions of sexuality that have been developing since 18th century onwards; it draws a line between notions of gender and race and examines a modern medical discourse on sexuality.

Keywords: social constructivism, sexuality, gender, sexualities discourse.

В статье рассматривается процесс конструирования современных представлений о сексуальности, которые начали формироваться с конца XVIII в. и приняли привычный для нас вид на рубеже XVIII и XIX вв. Идеи и суждения о сексуальности не были статичными и пересекали национальные границы, взаимодействуя друг с другом. В задачи этой статьи не входит анализ специфики дискурса о сексуальности в каком-либо отдельном государстве, и Европа и США представлены в целом как центры производства «западного» знания о сексуальности. В основе же рассуждений об этом феномене лежит понимание сексуальности как социального конструкта, имеющего свою историю, толкование и осмысление которого зависят от определенного контекста.

Появление социокультурной истории сексуальности связано с работами французского философа Мишеля Фуко. Для него история – не средство познания прошлого, а метод, который показывает, как и почему люди стали искать способы, чтобы понять себя, как человек смог сконструировать знание о своем месте в мире. В традиционной историографии XVIII–XIX вв. рассматриваются как время прогресса: достижения медицины и науки обусловили улучшение уровня жизни и здоровья; эпоха Просвещения привнесла новый научный подход, свободный от старых предрассудков. Это положило начало освобождению сексуальности – свойственной любой эпохе

стороне жизни человека, – от подавления религией и привнесло рациональность и прогрессивные знания в сферу сексуального, которая теперь обозначалась как необходимая, подчас самая важная часть человеческого существования. Вместо описания сексуальности как «естественной» силы, которая может быть подавляема или управляема обществом, Фуко описывает сексуальность как конструкт, который был создан обществом в конце XVIII в. Объектом изучения истории сексуальности становится вопрос о том, каким образом в разных обществах некий опыт вписывается в систему правил и ограничений так, что человек получает возможность идентифицировать себя как субъекта сексуальности.

По Фуко, «изобретение» сексуальности было одним из важнейших шагов в создании современного буржуазного политического порядка. Сексуальность теперь становится важной не как аспект адаптации семьи к социальному и экономическому развитию, не как аспект индивидуального подавления или освобождения и даже не как культурная область, в которой располагаются конфликты между властными отношениями. Сексуальность стала частью создания того типа власти, который характеризует современную эпоху. Следуя Фуко, идея того, что желания, особенно сексуальные, представляют основу личности, является определяющей чертой сексуальности в современном мире. Позднее социоконструктивистская мето-

дология была дополнена идеями, пришедшими из феминистской теории, марксизма, гендерной теории и квир-теории [8, 16, 20].

Эпоха Просвещения, упадок идеи монархии, Французская революция, появление государств, основанных на национальной идентичности, – все это обозначило новый социальный и политический порядок, который проступил в западном мире во второй половине XVIII в. Традиционные иерархии оказывались неэффективными для нового капиталистического общества, которое требовало новой идеологии, построенной на системе еще больших разграничений. В XIX в. государства индустриализованного Запада проявляли все больший интерес к здоровью населения, которое быстро росло, урбанизировалось и становилось все более «опасным» для существующего порядка. Именно категоризация тел легла в основу изобретенных иерархий: пол, сексуальность, раса, нация.

Одной из первых категоризаций было разделение людей на два пола. Томас Лакур в своей работе «Создание пола» описывает процесс изобретения современной идеи пола в XVIII в., когда появились различные названия для половых органов, которые были определены как мужские и женские. Такое разделение лежало в основе создающейся идеологии о непреодолимых различиях в поведении людей. В это же время формируются представления о противоположности мужчин и женщин, которые затем были закреплены скрупулезным медицинским изучением пола в XIX в. Представление о женщинах как о низших созданиях не было новым для того времени, новым был именно характер противопоставления «женского» и «мужского». Взяв за основу старую идею о противоположности полов, ученые и исследователи вырабатывали и обосновывали учение о гендерных иерархиях [13].

Одной из важных для понимания конструкта сексуальности является идея расы, появление которой связано с процессом ранней глобализации и возникновением империализма. Различия между людьми были описаны в литературе задолго до XVIII в.: «В Европе была давняя традиция для обозначения Других через физиогномику чудищ или сексуальное поведение женщин» [4, с. 57]. Работа Плиния Старшего содержит описание дикой женщины с длинной грудью. Позднее, в средневековье, подобные образы будут составлять представления о дьяволе в женском облике. Однако именно XVIII век стал решающим временем в развитии на Западе детальной иерархии

человечества, основанной на географии и внешности. Германию можно считать местом, где собиралась и концептуализировалась информация о телах людей. Теперь не какая-нибудь особенность тела отдельного человека означала отклонение, но скорее система характеристик тела, которые потом стали расой. «Африканские мужчины казались одновременно женственными и гиперсексуальными. Их одежда выглядела женственной, но, с другой стороны, их обвиняли в недостатке самоконтроля, частых оргиях и похоти к белым женщинам» [18, с. 108]. Позднее «миф о черном насильнике» послужит оправданием для насилия по отношению к черному населению в США [1]. Культурный империализм обусловил представления о прогрессивных «западных» идеях и «западной цивилизации», в то время как весь остальной мир обозначался как отсталый и требующий просвещения «белым человеком». Как и идеи о расе, конструкты сексуальности служили инструментом для категоризации тел, для обозначения Другого.

Как уже подчеркивалось, следуя Фуко, изобретение сексуальности в конце XVIII в. было одним из самых главных шагов в создании современного буржуазного (социального, культурного и политического) порядка. С начала Нового времени доминирующим дискурсом становится наука, в частности, медицина. Понятие о женском ненормальном поведении выражается теперь не в образе женщин-ведьм, а в описании женщин, страдающих от истерии или нимфомании. Трактровка причин «отклонений» сменилась от представлений о кознях дьявола к понятию болезни тела. Медикализация – это процесс, при котором немедицинская проблема начинает определяться и устраняться как медицинский диагноз, в терминах болезни или отклонения [7, с. 4]. В западной культуре конструкции болезней часто переходят границы простой биологической сущности с ясной и объективной органической этимологией и скорее служат как расширенные парадигмы, наполненные разными значениями. Болезни – это артефакты с социальной историей и социальной практикой [10, с. 314]. Одним из аспектов медикализации является патологизация, которая может быть определена как постановка диагноза на основе наблюдений или поведения при отсутствии достаточных свидетельств о том, что такое поведение дисфункционально. Этот процесс происходил постепенно: по мере его развития менялись названия болезней, выделя-

лись новые симптомы, причины и методы лечения.

Однако полной медикализации сексуальности на рубеже XVIII и XIX вв. не произошло, и оставалось много места для последующего развития этой тенденции в XIX–XX вв. Совершенствовалась медицина, выделялось все больше медицинских специализаций (психиатрия, сексология и психоанализ). На смену религиозной морали пришло социал-дарвинистское понятие «дегенерации/вырождения», которое представлялось как противоположность прогрессивной эволюции. Особенно вредными для здоровья нации считались мастурбация и гомосексуальность [17, с. 115].

На рубеже XIX–XX вв. психологи начали обозначать некоторых людей, обладавших «асоциальными» чертами личности, историями болезни и сложным внутренним миром, как девиантных. В своей работе «Гомосексуальность и гетеросексуальность: ставя термины под вопрос» Джонатан Нэд Катц описывает процесс появления современных сексуальных идентичностей, которые возникли в связи с медикализацией определенного поведения людей. Появление терминов «гомосексуальный» и «гетеросексуальный» служило для определения двух типов сексуальных извращений относительно репродуктивного стандарта. Изначально слово «гетеросексуальный» использовалось не как синоним «нормальной сексуальности», а наоборот как обозначение аморальных отношений, под которыми подразумевался нерепродуктивный половой акт. Позднее этим термином обозначалось как влечение к людям обоих полов, так и склонность к «ненормальным способам удовлетворения». И лишь позже слово приобрело современное значение [12, с. 314–15].

В то же время Джулия О'Коннэлл Дэвидсон и Дэрэк Лэйдэр в статье «Социальные исследования и повседневное знание» анализируют влияние различных стереотипов и предрассудков на формирование «объективного», научного взгляда на сексуальность. К примеру, известный американский исследователь сексуальности Альфред Кинси, а затем Вильям Мастерс и Вирджиния Джонсон отталкивались от теоретического предположения о том, что мужчины и женщины обладают примитивными биологическими сексуальными влечениями, которые необходимо удовлетворять. Все половые акты нацелены на оргазм, который репрезентирует разрядку для этого влечения. В их работах оргазм является показателем здоровья и тем самым неотделимым компонентом «счастья» [14]. По этой причине кри-

тики утверждают, что новая сексология пододвинула общество навстречу миру тирании оргазма. «Хорошим» сексом теперь обозначался оргазмический секс, а секс без оргазма стал «сексуальным расстройством», которое должно лечиться специалистами и экспертами в области сексуальности. В основе теорий лежало предположение исследователей о том, что «западная» мужская гетеросексуальность является нормой. Таким образом, женскую сексуальность они измеряли относительно мужского стандарта. Этим наука сделала свой вклад в поддержание идеологии мужского доминирования [15].

В XX в. медицина узурпировала моральный и религиозный авторитет в области сексуальности, породила новые отчетливые дискурсы и провозгласила разнообразие новых сексуальных идентичностей [10]. Даже относительно недавний процесс «сексуальной революции» второй половины XX в. может быть интерпретирован как увеличение количества медицинских дискурсов, характеризующихся более пристальным вниманием к венерическим болезням, изобретением гормональных контрацептивов, медикализацией представлений об абортах (от страха перед ненормативным сексуальным поведением к опасности для женского здоровья в виде бесплодия). Сегодня показательным примером такого обсуждения сексуальности может являться вездесущий дискурс СПИДа (например, «безопасный секс»). С другой стороны, период «сексуальной революции» в западном мире характеризуется подъемом радикальных движений (в особенности, женское движение, ЛГБТ-движение, антирасистское движение), которые подорвали авторитет эссенциалистских представлений о сексуальности.

Спектр социоэкономических изменений последнего времени вызвал коммерциализацию сексуальности, вследствие чего секс оказывался все более привилегированным в жизни человека как необходимость для индивидуальной идентичности и счастья. Такой процесс оказался тесно связан с развитием медицинского рынка. Примером подобной коммерциализации может послужить широко известный препарат Виагра от германской фармацевтической корпорации Файзер (Pfizer Incorporated), поступивший в продажу в 1998 г. Тысячи мужчин начали покупать Виагру как гарантию сексуального возбуждения и удовлетворения в рамках «оргазмической идеологии» [19]. В июне 2010 г. корпорация Берингер Ингельхайм (Boehringer Ingelheim) попыталась запустить в массовое производство препарат

флибансерин, который стал более известным как «розовая виагра». Показанием к применению этого лекарства явилась так называемая «женская сексуальная дисфункция». С другой стороны, платные медицинские услуги (аборт, доступ к контрацепции, медикаменты и/или операция по смене пола) не были доступными для всех и сделали право на достижение самореализации в этой сфере возможным только для людей с определенным уровнем дохода.

Глобализация, как уже указывалось выше, имела последствия для взаимодействия конструкторов сексуальности и расы. Экономический центр оказался наделен привилегией создавать фантазии о периферии, основанные на категориях «нормального» и «экзотического». Торговля людьми обусловлена глобальным неравенством и представлениями об особой сексуальности некоторых женщин и в некоторых случаях мужчин (например, секс-туризм в Тайланде, «невесты по почте» из России и Восточной Европы).

Таким образом, начиная с XVIII в., определенное поведение и внешность человека оказались под пристальным наблюдением ученых и врачей, которые занимались установлением нормы и категоризацией. С другой стороны, конструктор сексуальности формировался и под влиянием таких явлений, как искусство, торговля, войны, средства массовой информации и т. д. Современные представления о сексуальности могут казаться внеисторичными и обусловленными биологией, физиологией или просто здравым смыслом. Однако перспектива изучения сексуальности как социального конструкта, тесно связанного с категориями гендера, расы и класса, позволяет выйти за рамки анализа частной стороны жизни человека и поставить более общие вопросы о принципах и формах общественной организации, о способах построения социальных иерархий и о природе и механизмах функционирования власти.

Библиографический список

1. Дэвис А. Расизм и миф о черном насильнике. [Текст] / Е. И. Гапова, А. Р. Усманова // Антология гендерной теории : сб. пер. – Минск : Пропилеи , 2000. – 384 с.
2. Кон, И. С. Введение в сексологию [Текст] / И. С. Кон. – М. : Медицина , 1989. – 336 с.
3. Кон, И. С. Лунный свет на заре: Лики и маски однополю любви [Текст] / И. С. Кон. – М. : ОЛИМП , 1998. – 576 с.
4. Bodies in Contact: Rethinking Colonial Encounters in World History. / T. Ballantyne, A. Burton – Durham and London: Duke University Press, 2005. – 445 p.
5. Carter J. Introduction: Theory, Methods, Praxis: The History of Sexuality and the Question of Evidence // Journal of the History of Sexuality Vol. 11, No. ½, Jan-Apr 2005, pp. 1-9.
6. Clark A. Desire: A History of European Sexuality [Текст] / A. Clark. – New York: Routledge, 2008. – 282 p.
7. Conrad P. The Medicalization of Society: On the Transformation of Human Traditions into Treatable Disorders. [Текст] / P. Conrad. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2007. – 204 p.
8. Foucault M. The History of Sexuality, Vol. I. [Текст] / M. Foucault. – New York: Vintage Books, 1990. – 168 p.
9. Gray M. Productive Men, Reproductive Women. [Текст] / M. Gray – New York: Berghahn, 2000. – 370 p.
10. Irvine, J. 'Regulated passions: The invention of inhibited sexual desire and sex addiction' [Текст] // *Social Text*, no. 37, 1993. pp. 203-226.
11. Johnson M. Transgression and the Making of "Western" Sexual Sciences [Текст] / H. Donnan, F. Magovan // *Transgressive Sex: Subversion and Control in Erotic Encounters*. – New York : Berghahn Books, 2009. – 280 p.
12. Katz J. 'Heterosexual' and 'Homosexual': Questioning the Terms. [Текст] / M. Duberman // *A Queer World: The Center for Lesbian and Gay Studies Reader*. New York: NYU Press, 1997. – pp. 177-180.
13. Laqueur T. Making Sex: Body and Gender from the Greeks to Freud. [Текст] / T. Laqueur. – Cambridge, MA: Harvard UP, 1990. – 313 p.
14. Masters, W. H. Human Sexual Inadequacy. [Текст] / W. H. Masters, V. E. Johnson. – Toronto; New York: Bantam Books, 1970. – 467 p.
15. O'Connell J. D. Methods, Sex and Madness. [Текст] / J. D. O'Connell, D. Layder. – New York: Routledge, 1994. – 240 p.
16. Pollis C. A. The Apparatus of Sexuality: Reflections on Foucault's Contributions to the Study of History of Sex [Текст] // *The Journal of Sex Research*, Vol. 23, No. 3 (Aug. , 1987), pp. 401-408
17. Sexuality [Текст] / R. Nye. – Oxford [England]; New York : Oxford University Press, 1999. – 503 p.
18. Stearns P. N. Sexuality in the World History [Текст] / P. N. Stearns. – London; New York: Routledge, 2009. – 172 p.
19. Tiefer L. The Viagra phenomenon. [Текст] // *Sexualities*. 9, 2006. – pp. 273-294.
20. Waters C. Sexology [Текст] / H. G. Cocks, M. Houlbrook // *Palgrave Advances in the Modern History of Sexuality*. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2006. – 305 p.